

УДК 94(470.312:291.68)

А. В. Соколов

## ПАВЕЛ ТУЛЬСКИЙ – «РАСКОЛЬНИК» СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВ: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТУЛЬСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

28

Рассмотрена фигура Павла Смирнова/Тульского, бежавшего от синодальной церкви в 1831 г. к старообрядцам на правах священника. Изначально поддерживая связь с центром белокриницкого согласия – Рогожским кладбищем, Павел постепенно уходит в схизму. На примере его биографии автор ставит цель выявить и охарактеризовать положение беглого священства, особенности подходов власти и официальной церкви к решению проблемы «раскольнического» священника, модели поведения «новой» старообрядческой иерархии в отношении схизмы. Для этого был изучен корпус исторических источников, отражающих реакцию общественных институтов, таких как органы государственной власти, господствующая и староверческая церковь, на непокорного попа. Автор приходит к выводу об успешном существовании беглопоповцев до появления белокриницкой иерархии. Также отмечена неспособность местных светских и духовных властей адекватно решать проблемы, связанные со старообрядчеством.

*The article examines the personality of Pavel Smirnov/Tulsky who fled from the synodal church in 1831 to the Old Believers as a priest. Keeping in touch with the center of the Belokrinitsky accord – the Rogozhsky cemetery, Pavel gradually went into schism. On Pavel Smirnov's biography, the author seeks to identify and characterize the concept of the fugitive priesthood; the peculiarities of the approaches of the authorities and the official church to solving the problem of a "schismatic" priest; the behavior patterns of the "new" Old Believer hierarchy in relation to schism. To solve these problems, a corpus of historical sources reflecting the reaction of public institutions to a recalcitrant priest was studied. These include state authorities, the synodal and the Old Believer church. The author concludes that the beglopopovtsy successfully existed before the appearance of the belokrinitsky hierarchy. The article also notes the inability of the local secular and ecclesiastical authorities to solve problems related to the Old Believers.*

**Ключевые слова:** старообрядцы, раскол, белокриницкая иерархия, беглопоповство, Тульская губерния, Павел Алексеевич Смирнов/Тульский

**Keywords:** Old Believers, schism, Belokrinitsky hierarchy, beglopopovstvo, Tula province, Pavel Alekseevich Smirnov/Tulsky

В XIX в. экономика Российской империи подверглась колоссальным преобразованиям и к началу следующего столетия встала на капиталистические рельсы – сформировался класс предпринимателей. Значи-



мая роль в предпринимательской среде досталась старообрядцам. Некоторые исследователи усматривают в становлении старообрядческого предпринимательства этноконфессиональный фундамент [10; 20]. В Тульской губернии начала XIX в. к богатейшим и влиятельным людям относились выходцы из старообрядческо-поповского клана Сушкины [18]. Именно они участвовали в организации религиозной жизни староверов и обеспечивали патронаж своим единоверцам. Несмотря на то что семейство к середине XIX в. расколосось на староверов и православных [18], которые явно использовали свой новый статус для достижения не только экономических, но и политических целей, клан Сушкиных продолжал покровительствовать старообрядцам. Будучи поповцами, Сушкины нуждались для удовлетворения своих религиозных потребностей в священнике. В начале XIX в. им мог стать только попперебежчик от «господствующей церкви». Так им и удалось получить в 1831 г. Павла Смирнова, впоследствии получившего известность как Павел Тульский.

Павел Алексеевич Смирнов имеет по-своему удивительную судьбу. Начав священническую карьеру в селе Князищеве Лихвинского уезда Калужской губернии, он в 1829 г. похитил 333 руб. ассигнациями из церковных денег [3, л. 4]. Как итог, в счет компенсации ущерба епархиальные власти забрали у него дом и перевели в другой приход [4, л. 2]. Затаив явную обиду и по-прежнему испытывая финансовые затруднения, Павел бежал в Тулу, откуда ему поступило предложение от тамошних староверов — стать старообрядческим священником. Получив предварительно согласие губернатора Борисова, он стал исполнять требы по дониконовским книгам при доме купца Дениса Сушкина, а позже — при его сыне Кондратии [4, л. 2]. Губернский комитет усматривал в Смирнове «главного начетчика раскола» [5, л. 1], однако, став старообрядческим священником, он отправил своих сыновей учиться в Калужскую семинарию «господствующей церкви» [11, №20, с. 440], за что подвергся нападкам со стороны белокриницкой иерархии [8, л. 11 — 13об.; 22, л. 36]. Таким образом, мы получаем странную картину — видная фигура старообрядчества не до конца разрывала связи с синодальной церковью. С другой стороны, поначалу поддерживая тесную связь с Рогожским центром поповства в белокриницкой иерархии, он впоследствии стал ее ярким противником, вступил в конфликт с рогожской общиной и фактически воссоздал утратившее свое прежнее значение беглопоповство [8, л. 2].

Откуда мы вообще знаем про П. А. Смирнова и его деятельность? В нашем распоряжении находится группа источников, разных по происхождению, но имеющих схожую основу — во всех них прослеживается негативное отношение к интересующей нас персоне. Это объясняется как раз «неуживчивостью» Павла Смирнова — различные силы воспринимали его как противника. В первую очередь нами использовались дела Государственного архива Тульской области (далее — ГАТО). Материалы дел ГАТО нам интересны с нескольких позиций: во-первых, они позволяют реконструировать территориальные рамки влияния



Павла Смирнова, а также модели и практики его жизнедеятельности, модели его поведения. Во-вторых, изучение этих документов позволяет проанализировать реакцию властей на религиозную активность старообрядческого священника.

Не менее ценны материалы дел из описи «Рогожское кладбище» отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Здесь представлен взгляд на Смирнова как на предателя поповского согласия, когда тот уже разорвал отношения с белокриницкой иерархией.

Отдельного внимания заслуживает церковная печать — «Тульские епархиальные ведомости» (далее — ТЕВ) и «Калужские епархиальные ведомости» (КЕВ). В этих изданиях представлен «синодальный» взгляд на фигуру П. А. Смирнова. Епархиальные ведомости, будучи официальным печатным органом церкви, в публикациях, посвященных раскольникам, как правило, стремились достичь конкретной цели — дискредитировать лидеров старообрядчества. В делопроизводственных документах такой жесткой «пропагандистской» устремленности не было, в них преобладал прагматический подход: как провести расследование, собрать доказательства, обосновать решение и отпортовать наверх. Стоит сказать, что церковные издания нам интересны с разных позиций. Так, в ТЕВ значительный интерес представляют публикации переработанных архивных материалов, в том числе и ныне утраченных, что позволяет в определенной степени реконструировать информацию первоисточника. Подача материала в ТЕВ о Павле Тульском в значительной степени носила нейтральный характер; иначе дело обстояло в КЕВ, где священник Дмитрий Любимов активно использовал стигмы в отношении Смирнова. Своим источником Любимов называет информацию «из первых уст» — наиболее значимым информатором для него был сын Павла Смирнова Григорий. С Любимовым Григорий Павлович непосредственно учился в Калужской семинарии и даже находился под его «крылом» [11, № 20, с. 440–443].

Несмотря на значимость подобной информации, к ней стоит относиться осторожно, так как Любимов иной раз воспроизводил сплетни и слухи. В отношении Павла Смирнова он использовал весь полемический арсенал, педалируя скандальность, лицемерие (не верил в старую веру), «продажность» (использовал староверов сугубо для своего обогащения), пьянство, разврат (рассуждения о возможных сожителях) беглого попа [11, № 19, с. 425; № 20, с. 442, 444, 447, 451].

Мысль о нетрезвом образе жизни Смирнова мы также можем обнаружить в работе И. Тихомирова [24, с. 56–57], который ссылаясь на статьи Любимова. Сам же Тихомиров нам интересен по большей части с тех же позиций, что и ТЕВ, — его работа частично позволяет реконструировать информацию первоисточника. Таким образом, в источниковой базе мы имеем трехсторонний взгляд на Смирнова — светской и духовной власти, а также белокриницкого согласия. В такой ситуации остается безмолвной только одна сторона — сам Павел Смирнов и его сторонники, что безусловно учитывалось в работе.

В источниках встречается противоречивая информация даже в составе одной группы. Наиболее показательным примером служат раз-



ночтения в датах смерти П. А. Смирнова. Так, в публикациях ТЕВ мы сталкиваемся с тремя датами — 3 [16, с. 12], 11 [17, с. 273] и 16 [15, с. 337] января 1862 г. Мы склонны полагать, что 11 января выглядит убедительнее, поскольку эта дата встречается в материалах дел губернской канцелярии [5, л. 87], в то время как происхождение других неясно. Поэтому при работе с источниками мы пытались установить достоверность фактологической информации.

Стоит отметить, что работ, посвященных Павлу Смирнову, нет. В отдельных исследованиях эта фигура могла лишь упоминаться в контексте «раскола» внутри поповства, но не более.

О достарообрядческом периоде жизни Павла практически ничего не известно. Даже его возраст на момент смерти неизвестен. Достоверным остается князищевское происхождение Павла, а также конфликт между ним и церковными структурами на финансовой почве, о чем говорилось ранее.

В 1824 г. Смирнов после окончания Калужской семинарии был рукоположен в священники, а в 1829 г. велось дело о растрате церковных денежных средств. Уже в 1831 г. Смирнов взял увольнительную в Москву, откуда не вернулся в Калугу, а перебрался в Тулу [4, л. 32]. В Туле над ним стоял купец Денис Осипович Сушкин, а позднее — его сын Кондратий Денисович. Д. О. Сушкин «убедил» губернатора В. А. Борисова приютить бежавшего от своего начальства попа, хотя изначально оговаривалось условие — Смирнов должен был исполнять требы только для старообрядцев Тулы [4, л. 10–10об.; 15, с. 339–340]. Стоит сказать, что подобное решение губернатора отвечало закону и не являлось самоуправством. Губернатор ссылался на «Высочайшее утвержденное предписание» от 26 марта 1822 года [4, л. 2об.], ознакомиться с которым невозможно, так как данный акт не содержится в Полном собрании законов Российской империи [19]. Видимо, нормы, обеспечивавшие легитимность беглого священства, проходили под грифом секретности. Сложно сказать, сколько продержался Смирнов, не нарушая запрета, однако уже в 1840-е гг. о нем начали поступать сообщения, исходя из которых ясно: Павел нарушил формальные и неформальные договоренности с властью.

Помимо явного выхода своей религиозной деятельности на общегубернский масштаб [4, л. 52; 6] он пользовался определенным влиянием и за пределами Тулы. В первую очередь речь идет о Калужской губернии. И. Тихомиров отмечает, что калужские старообрядцы-поповцы предпочитали удовлетворять свои религиозные потребности у Смирнова, в силу чего называли себя «тульскими» [24, с. 56]. Подтверждением влияния Павла Смирнова на умы калужских поповцев служат свидетельства чиновника особых поручений Ионова при губернаторе Петре Михайловиче Дарагане [5, л. 61об.], а также сообщения из Калужской духовной консистории [3, л. 1].

Достоверно известно о религиозной деятельности Смирнова у черниговских, московских и серпуховских, а также курских старообрядцев. Помимо людей древнего благочестия центральной России к нему об-



ращались староверы Урала [1, с. 99; 5, л. 23об., 50, 61; 15, с. 343]. Старообрядческий священник жил в Туле в условиях постоянного контроля и слежки [5, л. 1–92; 16, с. 6]. Однако, несмотря на это, власти ни разу так и не удалось уличить его в совершении обрядов для иногородних староверов [4, л. 52; 5, л. 61об.; 15, с. 345].

За подобную активность, нарушавшую формальные и неформальные обязательства, в отношении Смирнова велись регулярные разбирательства. Самыми длительными, вероятно, можно считать дела 1842–1848 [4] и 1854–1862 гг. [5]. Оба дела связаны с совершением Смирновым треб для иногородних и криптостарообрядцев – староверов, которые формально числились в официальном православии. Судя по всему, наиболее часто к беглому тульскому священнику обращались по поводу треб – исповедей, бракосочетаний и крещений.

Встает только вопрос, что мешало губернаторам<sup>1</sup> избавиться от «раскольничьего попа»? Они имели широкие полномочия на местах [7, с. 180–182]. О том, что П. А. Смирнова местные судебные органы оправдывали, губернатор сообщал министру внутренних дел, на что тот в свою очередь отвечал: «Не видно, согласен ли он (губернатор. – А. С.) с решением по сему делу Уголовной палаты» [4, л. 18]. Таким образом, из Петербурга как будто намекали: губернатор должен взять ситуацию в свои руки и решить проблему с беглым попом.

Губернаторы же, судя по отчетам, пытались сгладить углы и в некотором смысле покрывали Смирнова. Впрочем, если в 1840-е гг. они явно стремились выгородить его и сохранить в Туле [4, л. 7, 9], то в конце 1850-х такая позиция была невозможной. Дело в том, что в 1857 г. министр МВД С. С. Ланской фактически требовал от губернатора принять по делу раскольничьего попа единоличное твердое решение [5, л. 74]. Под этим давлением губернатор М. П. Дараган фактически выдворил Смирнова из Тулы в Москву [5, л. 76, 81–82]. Однако по факту и это решение было принято в пользу Смирнова. Перед губернатором стояла задача – избавиться от Павла Тульского. Способов решения было два – довести длившиеся судебные процессы до конца, обеспечив «нужное» решение, или избавиться от одиозного попа при помощи административных механизмов. Выбрав второй вариант, Дараган фактически пошел на уступки Павлу Смирнову, ведь тот еще раньше просил дать ему разрешение уехать в «старую столицу» [4, л. 92об.]. Более того, несмотря на выдворение, Смирнова не уволили с должности «священника раскола», что, кстати, нарушало требование министра [5, л. 85]. Ссылаясь на состояние здоровья, Павел Алексеевич так и не вернулся на формально длившийся судебный процесс в Тулу, скончавшись в Москве 11 января 1862 г. [5, л. 87; 17, с. 273].

Возникает вопрос: почему местная власть «прикрывала» старообрядческого священника? На него нельзя дать однозначный ответ. Тем не менее можно обозначить ряд факторов.

Во-первых, значительную роль играли покровители Смирнова – купцы Сушкины. Обладая огромным влиянием в губернии, тесными

<sup>1</sup> С 1831 по 1862 г. их сменилось 9 человек.



связями с чиновниками на местах, а также финансовыми ресурсами, эти люди могли договориться с губернаторами. Подтверждением тому служит как раз тот факт, что именно Д. О. Сушкин добился легального положения Смирнова и обезопасил его от преследований со стороны Калужской епархии, требовавшей возвращения Павла для разбирательств в связи с его бегством в Тулу [4, л. 10–10об., 23, 26об.; 15, с. 341–342]. Разумеется, такие договоренности были устными, и поэтому об их содержании мы можем только догадываться.

Второй фактор связан со спецификой тульского старообрядчества. Дело в том, что в Туле значительная часть староверов была оружейниками, и государству не хотелось вступать с данной группой в острые конфликтные отношения. Примерами могут служить разбирательства, когда местная власть принимала жесткие решения в отношении староверов, однако центральные органы достаточно быстро вмешивались, либо отменяя постановления губернских органов, либо идя на смягчение приговора [2, с. 40–42]. Таким образом, губернская власть попадала в достаточно узкие рамки, когда нерешительные меры вызывали раздражение у чиновников МВД, а радикальные — контрмеры со стороны общеимперской власти.

Третий фактор связан с юридическими коллизиями. Как ни странно это звучит, но власть была вынуждена считаться с законами. Смирнов же вел себя достаточно осторожно, чтобы не дать против себя улик, и пользовался слишком большой популярностью, чтобы против него можно было добыть свидетельские показания. В его действиях, говоря полицейско-бюрократическим языком, отсутствовал доказанный «состав преступления». Единственный раз, когда его могли реально судить, был связан с выездом в Одоевский уезд в 1834 г. [4, л. 3, 20–23], что нарушало режим ограничений на передвижения беглого попа. Однако и здесь, по показаниям Смирнова, он якобы покидал Тулу исключительно с целью навестить тестя. Иных примеров прямого нарушения договоренностей со стороны священника не фиксировалось. На обвинения в совершении треб для «православных» и иногородних он отвечал, что не был осведомлен о происхождении этих людей. Доказать, что он знал о том, что венчает пару, которая где-нибудь в Орле принадлежит к православному приходу, не получалось.

Так или иначе, давление на Павла Смирнова было сильным, и он хотел уехать из Тулы в Москву еще в 1848 г., но не получил разрешения от губернатора [4, л. 92]. По всей видимости, он даже задумывался о возвращении в «господствующую церковь» [11, № 20, с. 444–446].

Что касается отношений Павла Тульского с духовной властью и приверженцами господствующего православия, то здесь все было неоднозначно. С одной стороны, он ревностно относился к своим прихожанам, мог прогнать «иноверного» с похорон, и даже накладывал епитимии за контакты с господствующей церковью [14, с. 234]. С другой — он не был для епархиальных властей столь же сильным раздражителем, как, например, религиозные деятели поморского согласия в лице клана Батовых [23]. По всей видимости, это связано с несколькими обстоятельствами.



Во-первых, это влияние покровителей беглого попа Сушкиных. Помимо того, о чем было сказано ранее, следует добавить, что род Сушкиных держал восковой завод, они также торговали свечами, фактически оставаясь региональными монополистами в этом деле, пока в начале 1880-х гг. заводик не выкупила Тульская епархия [12, с. 230]. Соответственно, ссора с Сушкиными могла отразиться на ценообразовании необходимого богослужебного элемента — свечей. Кроме того, та часть Сушкиных, что перешла в православие, совершала значительные жертвования — на убранство церквей, богадельни и т. п.

Во-вторых, со Смирновым и так активно работала гражданская власть — местная и центральная администрация. Полномочий сверх светской власти представители духовенства не имели, а вступать в полемику с людьми, нацеленными избегать общения с церковью, было малоэффективно.

В-третьих, если феномен «батовщины» был связан с прозелитизмом, печатью и тиражированием своих идей, то П. А. Смирнов, по сути дела, ограничивался работой с уже встроенными в староверческое общество людьми. Его деятельность не выходила за пределы староверческой общины или во всяком случае не оставляла явных следов.

В-четвертых, смерть П. А. Смирнова пришлось на год, когда только началось издание ТЕВ. Иными словами, он не мог стать объектом публичного исследования староверия как активный его участник, а рассматривался лишь в формате исторической ретроспективы «тульского раскола».

Отношения же Павла Тульского с центром поповства также отличались неоднозначностью. Так, до 1846 г., в отсутствие старообрядческой иерархии, каждый беглый священник был по сути своей самодостаточен, над ним могла находиться только община или же конкретный покровитель. Без «церковного начальства» и в условиях дефицита священников беглый поп оставался де-факто единственным религиозным авторитетом для своей паствы, которая его высоко ценила. С возникновением белокриницкой иерархии ситуация изменилась. Теперь старообрядческая церковь представляла собой четкую иерархическую структуру с элементами административного управления. По сути, новая иерархия поглотила прежние институты беглопоповства и восполнила институциональные дисфункции, в частности легитимизировала свое священство. Такая ситуация заставляла беглых попов отказываться от автономии и присоединяться к новой иерархии. Павел Смирнов не сразу вступил в конфронтацию с новой системой, подтверждением чему служит принятие и использование мирра белокриницкого согласия [8, л. 2об.-4].

Стоит сказать, что тульские старообрядцы-поповцы были связаны со своими единоверцами сетью посыльных. Об этом говорит случай, произошедший в 1854 г. Тогда был схвачен в Вятской губернии ранее скрывавшийся в лесах старовер Ананий Ситников, который еще в 1850 г. бежал с завода Сарапула Пермской губернии. С ним были найдены письма, а также списки на приобретение церковной утвари. Более того,



Ананий имел при себе митру. Как выяснилось, он приезжал в Тулу на три дня из Москвы, а затем снова отправился в «древнюю столицу» [5, л. 1об.], видимо, к Рогожскому поселку. Ананий, вероятно, остановился в доме Павла Смирнова, принадлежащем купцу Кондратию Сушкину. Об этом говорит найденная у Ситникова записка: «В Туле священник Павел Алексеев Смирнов купцу Кондратию Денисову Сушкину» [5, л. 7]. По всей видимости, через подобных посыльных и распространялась информация о местах, в которых присутствовало беглое священство, в том числе и о П. А. Смирнове.

К этому моменту между Смирновым и новой иерархией уже произошел раскол, о чем говорит письмо, отправленное в Тулу в 1854 г. старообрядческим архиепископом Антонием Владимирским [21, л. 35]. В этом документе прослеживается попытка убедить П. А. Смирнова отказаться от заблуждений и не вдаваться в раскол: «Но есть ли же недовольно будет этих доказательств, то пусть его с[вя]щенство, непопускающая его к единению с нами причины, вырази[т] письменно, и препоручит посланному. Чем же кончится ваша беседа, непременно нужно составить акт. Хорошо бы все присутствующие к оному подписались» [21, л. 35–36]. Однако, не добившись результатов, на Рогожском кладбище решили «предпринять свои деятельные меры против такого беззаконника, и Богом дарованной властью всеконечно поразить бесстыдного раскольника, главного губителя и волка, угрызающего Христову словесную паству» [22, л. 34]. Таким образом, заполучив иерархию, старообрядцы стали использовать те же стигмы в отношении несогласных, что и ранее против них применяла церковь.

Почему Павел Тульский разорвал отношения с бывшими единоверцами? На этот вопрос мы получаем ответ со стороны белокриницкого согласия – «тщеславие» и «корыстолюбие» [22, л. 11], но не имеем представления о том, как такое решение объяснял сам Смирнов.

Разделение внутри поповства произошло в 1857 г., когда сторонники Смирнова окончательно отделились от белокриницкой церкви [8, л. 4–4об.], так возникло тульское старообрядческое согласие. Так или иначе, его бывшие прихожане разделились на тех, кто хотел бы слиться с белокриницкой иерархией, и тех, кто поддержал схизму Павла.

Надо признать, что конкурировать с белокриницкой иерархией Смирнову было сложно, ведь у них были сформулированы канонические обоснования чиноположения и функционировали социальные институты, в то время как непокорный поп этим похвастаться не мог. Для преодоления этого разрыва он попытался создать свое чинопочитание, суть которого заключалась в «исправлении» Смирновым беглых попов [9, с. 209–210; 13, с. 204; 22, л. 33]. Тем самым он возложил на себя часть обязанностей епископа.

После смерти Павла его последователи разделились. Кто-то принял «австрийскую иерархию», а кто-то продолжил следовать заветам Смирнова и остался в оппозиции к ней. Какая-то часть хотела перейти в единоверие, но в отсутствие тульской единоверческой структуры этой идее



не суждено было сбыться [16, с. 13]. Так или иначе, ренессанс в беглопоповском согласии не настал, и это направление постепенно таяло, поглощаемое институциональной структурой белокриницкой иерархии.

А через двадцать с лишним лет после смерти создателя тульского согласия протоирей Г.И. Панов с некоторым оттенком ностальгии напишет: «Не то было в Тульской губернии при жизни Павла Смирнова, сам он по-своему сильно изобличал незаконность учреждения новой иерархии, и старообрядцы считали его последним представителем старого священства, приходящего тайно от великороссийской церкви. Неудивительно, что он пользовался большим уважением среди раскольников. Согласие с ним стало известно под именем "Старого тульского согласия"» [15, с. 338].

К каким выводам может нас подвести кейс Павла Смирнова? Во-первых, деятельность беглопоповцев была успешна при отсутствии местных старообрядческих религиозных институтов. Роль священника, религиозной общины и их покровителей способствовала преодолению институционального кризиса. Сильный покровитель (в Туле это был Денис Сушкин, а позже — его сын Кондратий) обеспечивал выживаемость общины за счет поддержания священника, а также постоянных вливаний ресурсов (не только финансовых, но и репутационных), в то время как духовник обеспечивал религиозные потребности прихожан. В таких условиях и покровители, и священник выступали ключевыми фигурами в обеспечении устойчивости и благополучия местной общины.

Во-вторых, мир поповцев был жизнеспособен за счет общеимперских социальных беглопоповских институтов. По-видимому, одним из важных его элементов была система тайных контактов через посольных, от которых и распространялась информация о священниках в той или иной губернии, способных удовлетворить религиозные чаяния староверов. Иначе трудно объяснить известность Павла на Урале, откуда, судя по утверждению Ю.В. Боровик, еще и заезжали к нему посетители для удовлетворения своих религиозных потребностей [1, с. 99].

В-третьих, формировавшаяся на тех же религиозно-догматических началах белокриницкая институциональная структура постепенно поглощала прежде функционировавшие системы и становилась доминирующей. Достаточно быстро «беглопоповщина» стала уходить на задний план, сохраняясь еще некоторое время в виде тульского согласия. Ввиду неспособности адаптироваться к новым условиям и отсутствия возможностей для развития тульское согласие, по сути, изжило себя к началу XX в. Фактически оно было поглощено белокриницким согласием.

В-четвертых, губернской власти постоянно приходилось балансировать, находясь в условиях, когда она опасалась перегибать палку, но и не реагировать на лидеров старообрядцев тоже не могла. В конечном счете вопрос мог быть решен лишь при непосредственном вмешательстве общеимперской власти, как это и произошло в случае Смирнова.



В-пятых, церковная власть, чувствуя некое попустительство со стороны светской власти, была ограничена в своем инструментарии и не слишком мотивирована на жесткие решения по отношению к беглым священникам, которые пользовались авторитетом среди старообрядцев.

В-шестых, испытывавшая давление со стороны государства и официальной церкви религиозная группа использовала те же приемы и стигмы в отношении своей схизмы. Именно поэтому белокриницкое согласие, выступавшее против использования термина «раскольники» применительно к себе и своей пастве, гневно клеймила Павла Смирнова и приверженцев тульского согласия именно как раскольников и еретиков.

### Список литературы

37

1. *Боровик Ю. В.* Старообрядцы уральского города во второй половине XIX — начале XX в.: конфессиональное сообщество и семья. Екатеринбург, 2019.
2. *Володина Т. А.* Численность Тульских старообрядцев в XVIII — XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 38 — 43.
3. *Дело о венчании раскольническим священником Тульского молитвенного дома Павлом Смирновым браков раскольников Курской епархии. 1841 г.* // Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 5. Д. 209.
4. *Дело о растрате церковных денег священником Павлом Алексеевым сыном Смирновым церкви с. Князинцево Калужского у. Калужской губернии. 1842 — 1848 гг.* // ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т. 23. Д. 16821.
5. *Дело о совершении незаконных богослужений и исполнении мирских треб беглым попом раскольником Павлом Алексеевым сыном Смирновым для жителей Тульской и других губерний. 1854 — 1862 гг.* // ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 24210.
6. *Дело по предписанию Министерства внутренних дел о запрещении одоевскому купцу 3-й гильдии Андрею Петрову Ананьину венчать своего сына по старообрядческим законам священником Павлом Смирновым. 1853 г.* // ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 23840.
7. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
8. *Замечания о тульском попе Павле* // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 247. №198.
9. *Ивановский Н. И.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1905.
10. *Керв В. В.* Се человек и дело его...: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2016.
11. *Любимов Д.* Беглопоповщина // Калужские епархиальные ведомости. 1886. №19. С. 423 — 428 ; №20. С. 440 — 451.
12. *Любомудров В.* К 35-летию пастырской деятельности Михаила Федоровича Бурцева // Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1900. №5 — 6. С. 228 — 233.
13. *Панов Г. И.* К истории раскола в Туле // ТЕВ. 1866. №5. С. 195 — 206.
14. *Панов Г. И.* К истории раскола в тульской епархии // ТЕВ. 1868. №18. С. 226 — 234.
15. *Панов Г. И.* Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1883. №12. С. 337 — 347.
16. *Панов Г. И.* Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1883. №13. С. 4 — 13.



17. *Панов Г.И.* Толки старообрядцев об австрийском священстве в Туле // ТЭВ. 1870. №11. С. 273–283.

18. *Парамонова И.Ю.* Сушкины, тульские купцы, фабриканты, банкиры (конец XVIII – нач. XX вв.) // Летопись тульского предпринимательства : коллективная монография. Тула, 2016. С. 154–156.

19. *Полное собрание законов Российской империи.* СПб., 1830. Т. 38 (1822–1823).

20. *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.

21. *Сборник старообрядческих актов второй половины XIX века.* XIX в. // ОР РГБ. Ф. 247. №25.

22. *Соборное объявление от лица св. древлеправославных... церкви о противозаконных действиях не подчиняющегося священнейшей иерархии тульского попа Павла.* XIX в. // ОР РГБ. Ф. 247. №696.

23. *Соколов А.В.* Старовер с гектографом: жизнь Дениса Батова как феномен пореформенного старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 241–244.

24. *Тихомиров И.* Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900.

#### Об авторе

Александр Владимирович Соколов – магистрант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Россия.

E-mail: alks\_2@mail.ru

#### The author

Alexander V. Sokolov, Master Student, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Russia.

E-mail: alks\_2@mail.ru